

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

КАНДИДАТ ОТ ПАРТИИ

СМЕРТИ

Черная кошка

Алексей Макеев

Кандидат от партии смерти

«ЭКСМО»

2014

Макеев А. В.

Кандидат от партии смерти / А. В. Макеев — «Эксмо»,
2014 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-699-71133-8

Частный сыщик Максимов оказывается втянут в смертельный круговорот событий, связанных с выборами главы города. Сначала погибает один из кандидатов на должность мэра. Затем исчезает подросток, случайно оказавшийся свидетелем его убийства. Студентке Светлане, единственной оставшейся в живых свидетельнице, грозит неминуемая гибель, но Максимов вовремя приходит ей на помощь. Теперь они оба подвергаются смертельной опасности. Сомнений нет, это кто-то из кандидатов идет к власти кровавой дорогой, устраняя любое препятствие на своем пути. Этот человек неуязвим, непотопляем и весьма влиятелен. От пули снайпера гибнет журналист, который пытался помочь Максиму и Светлане. Гибнет бывший работник ФСБ, располагающий разоблачительной информацией. Беглецы лихорадочно ищут выход из безнадёжной ситуации, пытаясь противостоять кандидату-преступнику и уничтожить его...

ISBN 978-5-699-71133-8

© Макеев А. В., 2014

© Эксмо, 2014

Алексей Макеев

Кандидат от партии смерти

– Неплохое местечко вы выбрали, коллега. – Человек в добротном кашемировом пальто настороженно осмотрелся и присел напротив собеседника. Снимать пальто он посчитал ненужным – времени нет. Сидящий же напротив никуда не торопился – расположился, откинувшись на спинку стула, разминал сигарету и выражал вполне заурядным, хотя и плосковатым лицом безбрежное спокойствие мира. Прикурил от невзрачной зажигалки, беззвучно выпустил дым.

В закутке ресторана, отгороженном от банкетного зала раздвижными дверьми, было стильно и уютно. Охрана на входе сливалась с полумраком, посторонние звуки не тревожили. Исполненные в духе классицизма фаллообразные светильники рассеивали розоватый свет. Отличная обстановка для доверительной беседы.

– Выпьете? – поинтересовался субъект с плоским лицом, берясь за квадратный графинчик.

– Спасибо, Борис Евгеньевич, – новоприбывший покачал головой. – Выпить я могу и в более приятной компании. Выкладывайте, какая нелегкая побудила вас на встречу.

– Напрасно. – Собеседник медленно налил в играющую огоньками стопку, отставил графин. Выхлебал водку короткими глоточками (новоприбывший брезгливо наблюдал). Блеснул огурчик, выловленный из хрустальной вазочки. – Отменное качество, коллега, – причмокнул губами. – Не та бурда для неразборчивых выпивох, что выпускает ваш комбинат в Кудринском бору. Это ведь ваш комбинат, верно?

Собеседник сделал предостерегающий жест.

– Да оставьте, – махнул рукой выпивающий. – Не самое шикарное ваше приобретение, спорить бессмысленно, но мы же с вами деловые люди – понимаем, что деньги надо куда-то вкладывать. В следующий раз купите «Челси»... Вернее, перекупите.

– Извините, Борис Евгеньевич, мне пора, – вздохнул человек в кашемировом пальто. Он сделал вид, будто хочет удалиться, хотя на самом деле ничего такого и не помышлял. Тревога нарастала. Все ли меры предосторожности принял? Подчиненные о возможных неприятностях предупреждены. «Мастер» ждет сигнала. С официантом разберутся. Черный «BMW» неплохо гармонирует с темнотой и едва ли бросается в глаза у заднего крыльца ресторана. На машине «левые» номера – это не тот автомобиль, которым посетитель ресторана пользуется в повседневной, открытой для общества жизни («своя» машина тоже наготове – пересесть недолго). Такое уж у него обыкновение – просчитывать все варианты и никогда не полагаться на волю случая.

Человек, пригласивший его на randevu, прищурился. Заплясали ироничные бесы в глазах – куда ж ты денешься, милый? Десять дней до выборов...

– Хорошо, коллега, не хочу, чтобы вы убивали свое время. Порезвимся в другой раз. – Владелец плоского лица потянулся к кейсу, смирно стоящему под ногами, щелкнул замочками и произвел простейшую канцелярскую папку, завязанную шнурками. Прикинул ее на вес, уважительно крякнул и выложил перед собеседником. Человек в дорогом пальто брезгливо поморщился.

– Понимаю, – засмеялся владелец папки. – Я напоминаю вам Остапа Бендера, предлагающего Александру Ивановичу Корейко купить у него досье на самого себя. Аналогии прослеживаются, согласен. Хотя и не совсем. Миллиона рублей от вас мне не нужно. Даже долларов. Не в деньгах счастье – понимаете, что я хочу сказать?

– А короче нельзя? – начал раздражаться человек в пальто.

– Хорошо, дорогой коллега, буду краток. В этой папке собраны разрозненные эпизоды ряда уголовных дел. На первый взгляд они не связаны между собой. Но это только на пер-

вый. Вы четко прослеживаете мою мысль – вижу по глазам. Возьмите, не стесняйтесь, перед сном почитаете, но только жене не показывайте, она может превратно понять. – Человек понял голос, и лицо, похожее на рельефное блюдо, сделалось жестче. – Доказательства очевидны. Тот же Кудринский ликеро-водочный завод, работающий в три смены, причем последняя нигде не учтена. Директор убыл в мир иной не без помощи короткой автоматной очереди, на его место назначен (кем?) некто Голиков, и вся шумиха мгновенно уходит в песок. Городская барахолка – бесконечная дележка сфер влияния и, как следствие, убийство в частной сауне депутата Фогеля, имеющего что сказать на сессии горсовета, но не успевшего это сделать. Махинации с квартирами в строящемся элитном доме на Кропоткина, прикрытие цеха на Успенского, штампуящего контрафакт... Это все мелочовка. Тайное сотрудничество с неким Голобородько, представляющим крайне «бритоголовую» организацию – взаимовыгодная, так сказать, негодия, – из чего вытекает погром на Центральном рынке, два трупа азербайджанской национальности, быстрое свертывание уголовного дела и полный крах некоего Хасанова, ради чего, собственно, и затевалась акция. Переговоры с неким Ахметгиреевым, после чего в арсенале одной из местных воинских частей вспыхивает веселый фейерверк, и совершенно непонятно, что пропало, что похищено. Да следствие и не заостряло... Печально жить на этом свете, коллега? Едем дальше? Или сменим тематику и покопаемся в вашем сексуальном прошлом? Помните Татьяну Алиади – проститутку из агентства «Натали»? Живенькая такая брюнеточка? Она погибла восемь лет назад – не угодила притязательному клиенту, и тот в пылу ярости сжал ее горлышко сильнее, чем нужно. Случается. Клиента не нашли, да в лепешку и не бились – кому интересна банальная путана?

– Что за бред вы несете? – вспыхнул человек в пальто. Последние слова речистого визави его заметно задел. Скулы напряглись. В глазах обосновался металлический блеск.

– О, я вижу, вы обретаєте поэтический вид, коллега, – похвалил «плюсский». – Я знал, что задену трепетные струнки вашей души. Давайте обойдемся без категорического отрицания. Вы же знаете, что это правда?

Собеседник хранил ледяное молчание. Но в голове бурлил мыслительный процесс. Он должен продержаться десять дней. Пройдут выборы, и над третьим городом в стране воцарится новая власть. ЕГО власть. Он достанет гоп-компанию, работающую на этого полуграмотного выскочку. Но только не сейчас. Главное – продержаться. Какое все-таки облегчение, что он просчитывает все до мелочей...

– Допустим, – пожал плечами человек в пальто. – Не буду с вами спорить, это бесполезно. Что вы хотите?

– В понедельник вы снимаете свою кандидатуру с выборов на пост городского главы.

– Да вам-то это зачем, уважаемый? – не сдержался шантажируемый. – Ваши шансы на победу равны нулю. Хоть тресни. Вы с рейтингами хоть знакомились? За мной с отрывом в пятнадцать-двадцать процентов следует... второй кандидат, а вы плететесь на третьем месте, да и то, если этот задира-коммунист из Заводского округа вас сдуру не объедет. Не снимайте со счетов неимущих и старушек – это могучий электоральный ресурс...

– А вот это уже мои проблемы, – спокойно улыбнулся «плюсский». – Да и какая вам забота, как я собираюсь их решать? Заберите папочку, уважаемый коллега. Сегодня четверг. На раздумья вам остается три дня. И не надо подсылать ко мне киллера – к вашему сведению, вашего покорного слугу прилично охраняют. Да и где вы успеете найти грамотного киллера за три дня? – Шантажист с удовольствием улыбнулся и пружинисто встал. – Мои почтения супруге, уважаемый. Слышал, вы недавно женились на молоденькой? Завидую вам от всей души. Зачем вам еще и политика? Не лезьте вы в нее – зарабатывайте деньги, доставляйте радость жене... Спокойной ночи.

Человек в пальто от комментария воздержался. Он внимательно наблюдал, как невысокий субъект, помахивая кейсом, исчезает за шторкой, и в следующее мгновение мягко отворяется дверь. Шевельнулся охранник – очень убедительно изображающий торшер...

Не лукавил этот субъект, утверждая, что у него грамотная охрана. Всем охранам охрана. Уж ему ли не знать толк в данных «поросятах»? Восемь лет проработал в Седьмом управлении КГБ, отвечающем за техническое обеспечение и слежку. Позже, правда, перевели в Шестое – на «экономическую» работу – но навык, знания, а главное – подозрительность ко всему живому остались. Лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорится. Оттого и расходы на собственную безопасность, значительно превышающие объем зарплаты, не казались ему чрезмерными. И даже бронежилет из надежного кевлара, надеваемый при выходе из дома, давно стал чем-то обыденным – вроде майки под сорочкой.

Мало кто из посторонних знал, что из ресторана, помимо заднего и парадного, существует еще и третий выход. Здание какое-то... многоугольное. Узкий коридор, телохранитель за спиной, мерцание «дежурки» очерчивает повороты. Сбег с крыльца, замаскированного строительными козлами, «Тойота» – серая, невзрачная, самая «народная» восточнее Урала машина – уже приветливо подмигивает подфарниками. Стекла отражают свет в какой-то из квартир – обычные пуленепробиваемые стекла. Охранник отделяется от автомобиля, пряча рацию в карман, еще один шевелится в подворотне, демонстрируя разворот плеч, третий – за спиной.

– Все спокойно, Саша?

– Тихо, Борис Евгеньевич. – Тот, что с рацией, торопливо отворил заднюю дверцу. – Прыгайте, поехали...

Панибратские отношения с охраной – это личное изобретение. Отлично помогает в непростой работе и ничуть не сказывается на дисциплине. А самолюбие можно и подальше послать, коли жизнь дорога.

Охрана прыгала уже на ходу. Один вперед, другой по левую руку. Проходной двор с выбитой кладкой, наспех забетонированный пролом, на котором чья-то дрожащая рука схематично вывела один из популярных мужских органов. Мусорные баки, горки снега попеременно с пищевыми отходами, поворот – и горящий огнями проспект с редкими машинами...

– Домой, Борис Евгеньевич? – не оборачиваясь, спросил шофер.

– Домой... – Он положил на колени плащ, оставленный в машине перед посещением ресторана, и немного расслабился. Невозможно без конца находиться в напряжении. Голова раскалена, как печка. Вмазать бы сейчас хорошенько – да с дивана не вставать пару дней...

По проспекту проехали не более трех кварталов. Достаточно понять, что за тобой никто не тянется. Но шофер – профессионал. Резкий поворот под желтый мигающий огонек светофора, выезд на параллельную дорогу, и по кольцу – к цирку. Элитный дом за панельными дебрями типовых многоэтажек. Квартир немного – и все возводились и отделялись с учетом пожеланий жильцов. Кому стены, домкратом не пробиваемые, кому веранду под зимний сад, кому четыре входа и отдельный выход на крышу...

«Стационарная» охрана уже доложила – в квартире все пучком, двери на замках, посторонние не приходили. Откуда посторонние в насквозь охраняемом доме? Можно и расслабиться...

– Пошли, Саша...

Лифты и прочие грузоподъемные сооружения презирались им так же категорично, как политические оппоненты. Тренироваться надо, от инфаркта бегать. Но сегодня он не стал бы возражать, вознеси его кто-нибудь до квартиры. Тяжело поднялся на третий этаж, кивнув «дежурному по этажу» (черный пояс у бойца), выудил ключи.

– Позвольте, Борис Евгеньевич. – Саша тактично отстранил шефа и первым вошел в квартиру. Пустая формальность – опытный лис нюхом чувствовал: покой в доме. Жена с детьми

улетела на Маврикий (там хоть и осень, но не слякотно и понежиться можно), прилетит не позже вторника – морально поддержать супруга. Хотя наварато ему с такой поддержки... По всем опросам, хитрый лис из ФСБ, заделавшийся честным гражданином, больше двенадцати процентов не соберет. Но это как сказать. Впереди еще десять дней, а информации под задницей – на десять пожизненных. И родная супруга в этом месиве – ну, ни с какого бока. Средства массовой информации уже подкормлены, до взрыва – считанные дни...

Он с насмешкой наблюдал, как охранник Александр обходит квартиру. Завидует, поди. Впрочем, парень без амбиций, тихий. Высшее образование на лбу. Дотошный, правда, не в меру. Две недели работает, а всех уже успел построить. Сюда не ходи, здесь жди. Родную маму готов наизнанку вывернуть, лишь бы долг служебный выполнить...

– Ты не спишь там, Саша?

– Смеетесь, Борис Евгеньевич? С вами уснешь... Располагайтесь, все в порядке. Жалюзи я закрыл.

– Спасибо, родной...

Наконец-то. Сунув плащ на вешалку, он побрел на кухню – выпить необходимо немедленно и покрепче. Отворив холодильник, поколебался – к чему сегодня организм благоволит? – виски, джин, коньяк? – выбрал последнее, поплелся к бару, за посудой.

– Борис Евгеньевич, небольшая проблема... – как-то смущенно произнес охранник, образуясь в проеме. Он отметил силуэт краем глаза.

– Что такое, родной? – Смертельно не хотелось оборачиваться, рука уже тянулась к стопке, однако пришлось. Опустив руку, он обернулся. И сильно озадачился.

Испугаться он попросту не успел. Только удивился – как если бы в квартире неожиданно объявилась голая Анжелина Джоли и предложила прогуляться до кровати. На кандидата в мэры смотрело черное дуло пистолета. И два спокойных глаза, умеющих, если надо, не моргать.

– Саша?.. – пробормотал кандидат. Он отметил машинально, что дуло у пистолета маленькое, на ствол накручена какая-то штуковина. На этом мысли кончились. Выстрел швырнул его затылком на сервант. Стекло не разбилось, но угрожающе задребезжало. Несчастный сполз на пол – с дырочкой во лбу и обширной воронкой на затылке.

Неисповедимы поступки людей. Охранник несколько мгновений стоял неподвижно – работал ушами. Повода для беспокойства не было. Изоляция в квартире – как в подводной лодке. Качество работы гарантировано. Вся работа – сплошной контрольный выстрел. Развернувшись, он плавно нажал на выключатель и вышел из кухни. Пары минут хватило, чтобы пройтись по всем комнатам и потушить свет. В прихожей он снял с вешалки плащ, набросил на руку, прикрыв предплечье и пистолет, вежливо сказал: «И вам спокойной ночи, Борис Евгеньевич», покинул пределы маленькой крепости.

– Безумный день, – улыбнулся он «дежурному по этажу» с черным поясом по мордобою.

– И никакой, блин, женитьбы. Бывает, – отозвался страж. Наблюдательности парню хватило, а вот реакции – не совсем. – Постирать взял? – кивнул на плащ. – Не было у тебя такой хреновины.

– Постирать, – пробормотал Саша.

Щелчок в гулком подъезде прозвучал резко и почти музыкально. Охранник рухнул с открытым ртом. По стене потекло – как будто краску плеснули. Убийца переступил через тело. Мягко сбежал по лестнице. Последний охранник в заданном ареале дислоцировался вне дома. На крыльце его не было. И в окрестностях не очень-то просматривался. Но можно и, не видя, знать, что он сидит в беседке. На хруст гравия обозначились широкие плечи. Скрип носка, затаптывающего оурук.

– Отстрелялся, Санек?

Двусмысленность сказанного рассмешила убийцу. Издав короткий смешок, он упер в упругий живот пистолет. Здоровяк подпрыгнул, как будто ему гантель на ногу уронили. Без

контрольного выстрела, к сожалению, не обошлось – темнота во дворе. До чего же слабое животное – этот человек. Кусочек мягкого свинца – и нет человека. Недосмотрел Создатель.

Только двое видели, как охранник с шефом поднялись в квартиру. Были еще двое, но им повезло – отпустил шеф. Несколько минут он сидел на корточках, готовый реагировать на любое движение постороннего. Но посторонний, даже если бы нашелся, не полез бы прощаться с жизнью. Черная тень поднялась с корточек, метнулась через двор, скользнула за угол...

Человек в добротном кашемировом пальто выслушал доклад и отключился. Дело сделано. Отчего же так беспокоен на душе? Злые кошки скребут. А может, беспокойство порожают не текущие проблемы, а что-то другое? Живешь вот так в водовороте разборок, не зная, откуда пуля прилетит, а из-за угла выскакивает пьяный псих на папиной машине, плохо различающий, где у него газ, где тормоз... и жалуйся потом на том свете, что ожидал не этого.

– Геннадий Тимофеевич, приехали... – потряс его за плечо телохранитель.

Человек открыл глаза. Прибыли. Вот она – родная крепость. Седьмой этаж. Предлагали щедрые строители двухъярусную квартиру, да он, подумав, отказался. Бегай по этим этажам в поисках молодой жены. Или ночью слепо или спяну загремишь с крутизны и доказывай потом в больнице, что ты не просто так рядовой гражданин, и нога у тебя достояние республики и срастись должна завтра к утру. Кряхтя, он вылез из машины, размял стареющие кости. Довольно на сегодня приключений, хватит. Последнее приключение на сон грядущий (если осилит) – и до утра свободен...

Ступая в лифт за звероподобным телохранителем (в этом доме лифты работают круглосуточно), он втихомолку ухмыльнулся. Удивится сейчас Верка. На шею бросится. Любит она своего папика – не может не любить. Всегда встречает с распростертыми ногами. Дрессировке поддается – уже научилась газету приносить. Осталось тапки научить подавать... Предупредил утром, когда мурлыкала, почесывая ему спинку, что, возможно, не вернется вечером. Поездка намечалась – в Тараканский бор, навестить одного влиятельного «медвежонка» на бывшей госдаче. В баньке попариться, девчат помять, тайны частного порядка обсудить. Не срлось, однако, у «медвежонка» – сынок по пьяни сбил пешехода, вот и потребовалось срочное вмешательство папани – объяснять тупым ментам, что КПЗ (или как там его – ИВС?) – не место для порядочных людей. Звонил, умолял простить и отложить randevu до завтра – «мол, сегодня я этого остолапа домой доставлю и как следует высеку, дабы неповадно было впредь...»

Накрылась, словом, поездка. Простим, причина уважительная. А потом этот жмур со своим рестораном: предлагаю встретиться, Геннадий Тимофеевич. Тема есть занятная. Ну и как, встретился? Занятная тема?

Выходя из лифта, он опять ощутил беспокойство. Сильное. Мельком глянул на белобрысого охранника по кличке Лом, карабкающегося по лестнице (он всегда параллельно лифту бежит и всегда не успевает), на Ракиту, сопящего в затылок. Есть у бугаев недостатки. Но личной преданностью просто умиляют. С этими парнями хоть в преисподнюю...

Одного поставил слева от двери, другого справа, осторожно вставил ключ, за ним другой – вошел в окутанную полумраком прихожую. И все внезапно понял – будто саблей по голове хлестнуло! Звуки из глубины квартиры! Дух чужой! Рванулся, ослепленный яростью, оттолкнув Ракиту, сбил фарфоровую статуэтку – бессмысленный подарок одного японского дельца, в бешенстве рванул дверь в спальню – влетел, сверкая очами...

Женский визг, испуганные мужские хрюки, кто-то звук издал непристойный, однако ко времени, когда распространился удушающий аромат, все уже кончилось. Как в воду глядел! В супружеской кровати веселье полным ходом. Голый сосед из квартиры напротив, то ли ингуш, то ли дагестанец, жена родная, не более одетая. Отшатнулись друг от дружки, Верка визжит благим матом: «Гена, Геша, Гешечка-а-а!!!», одеяло натягивает по самые ноздри, сосед с кровати сполз, глаза от страха пучит, одной рукой балду свою закрывает, другой штаны на полу

нашаривает... Ярость окончательно замутила рассудок. Охрана благоразумно осталась за пределами – ну уж хрен, в семейные разборки не полезем... Он взлетел с ботинками на кровать, едва соображая, что творит, отдал там Верке что-то, прыгнул с обратной стороны. Сосе-душка бормочет, штаны на причиндал повесил, как на крючок, подняться норовит. Обида жуткая душила – да как же так? Кормил ее, сволоту, поил, пригрел на своей груди. Обида и сотворила злую шутку. Схватил чернявого засранца за горло (не борец, худоба хренова...), швырнул что есть мочи на подоконник.

– Пастой, сосед, давай пагаварим, не так ты понял, да?.. – прокаркал этот южный зяблик, чем и доконал бесповоротно. Ах, мы, оказывается, в шашки играли! Он сам не понял, откуда столько силы взялось в руках. Ненависть подкинула? Схватил этого ублюдка за противоположные конечности, встряхнул, чтобы не дергался, и швырнул тяжело в окно...

Словно петарда хлопнула. Звон стекла, треск разбитой рамы – окна как не бывало. Болтая конечностями, тело перелетело подоконник и с ревом ушло в полет! Шлепок об асфальт. Тишина оглушительная. Долгая. Ветер в разбитое окно.

– Ну, вы и отчудили, шеф, – кашлянул с порога охранник. – Что это на вас наш...

Он резко повернулся, и охранник прикусил язык. Сообразил, что дыра в иной мир еще не закрылась.

– Лом, Ракита, – резко бросил шеф, – пулей вниз и быстро подобрать. И чтобы все чисто было.

Ребята понятливые, со жмурьем на «ты». Живо умчались, обгоняя друг дружку. Весь подъезд разбудят, идиоты... Ярость еще не выдулась из головы. Он медленно повернулся к лежащей на кровати женщине. Вероятно, взгляд был тот еще.

– Геша, Гешенька, не надо... – Умиравшая от страха изменница сучила ножонками по простыне, взбираясь с одеялом на стену. Он шагнул вперед, сдернул одеяло, отшвырнул. Хороша, зараза... В первый удар вложил полсилы – для разминки. Отчаянный визг хорошо возбудил. Кровь хлынула в голову. Он запрыгнул в ботинках на кровать, начал бить с азартом, энергично, задушевно – ногами, со всего размаха...

19 апреля, понедельник

Серьезных изменений в природе не происходило. Припозднилась в этот год ласковая весна с дружным таянием снегов. Отворив подъездную дверь, Максимов сделал неосторожный шаг, прокатился по свежему ледку и, не успев обрести баланс, загремел со ступеней. Рановато, видимо, на пляж...

Ступеней, на удачу, было всего две. Полежав и придя к неутешительному выводу, что начало дня явно не состоялось (как встретишь, так и проведешь), он медленно поднялся, потирая отбитую коленку, осмотрел крыльцо. Неплохая «катушка». Вечером тепло было, с ночи подморозило и вот, пожалуйста: лучший друг сломанных конечностей – гололед. А дворник Гриша еще не проснулся. Он не жаворонок – спросонья за лопату...

Свидетелем позора была старушка из второго подъезда, передвигающаяся по двору мелкой поступью, и какая-то незнакомая иномарка с тонированными стеклами.

– Поосторожнее надо, Константин Андреевич, – пожалела упавшего старушка.

– Поздно, баб Дунь, – вздохнул Максимов. – Дело сделано.

Не воротишь. С мыслью, что давно пора прижать Гришу к загаженной подъездной батарее и хорошенько пересчитать прокуренные зубы, Максимов побрел вдоль дома. Коленка противно стонала. Замечательно началась неделя.

– Константин Андреевич? – Из иномарки с тонированными стеклами выбрался субъект без шапки – в сером кожаном плаще. Пострижен, чистый, глазки цепляющие. «Чего бы такого сказать? – мимоходом подумал Максимов. – Чтобы отстали – раз и навсегда?»

Давно он что-то не прикасался к благодати.

– В чем проблема, уважаемый? – Нетвердый шаг пришлось сбавить, но совсем останавливаться он не стал, хотя и начал подозревать, что придется.

– Хотелось бы поговорить...

Тон у незнакомца был откровенно вкрадчивый. А глазки продирали череп – аж до затылка. Но это не мешало ему виновато улыбаться.

– Сколько вас там в машине? – Максимов остановился и опасно покосился на невзрачный транспорт. Выйдут хорошо натасканные ребята, по затылку двинут – кому потом докажешь, что опоздал на работу по уважительной причине?

– Никого, – улыбнулся незнакомец. – Я один. Не люблю разговаривать сам с собой. Извините, что отрываю вас от поездки на работу. Не хотелось бы приходить к вам в офис. Я, видите ли, работаю в специальном ведомстве...

«Сгинь, – тоскливо подумал Максимов, – как большой глюк».

– Не слепой, – пробормотал он вслух. – Вижу, что в специальном. А в каком, если не секрет? Опричнина? Преображенский приказ? Тайная канцелярия? Третье отделение Бенкендорфа?

Незнакомец не обиделся – жестом пригласил в салон. Там действительно никого не было. Из магнитолы приглушенно звучал скрипичный концерт Рахманинова. Для проформы включил? Или тонкий ценитель? И вообще довольно странно. Человек без дураков трудится в спецслужбе (разумеется, в ФСБ), но зачем ему тогда просительный тон и виноватая улыбка? «Значит, посадят не сразу, – догадался проницательный сыщик. – Для начала что-нибудь предложат. Работу, например, которую самим делать противно».

Незнакомец сидел за рулем, опершись локтями в баранку, и явно не знал, с чего начать. Курил «Давидова», после каждой затяжки трясся сигарету над пепельницей. С каких это пор работники спецслужб не знают, с чего начать?

– Сочувствую вашему падению, – наконец соизволил службист. – Поосторожнее надо».

– Согласен, – сдержанно отозвался Максимов. – Но падения бывают разные. Коленка, к слову сказать, заживет.

Он перехватил странный взгляд. Неужели куда-то попал?

– Моя фамилия Квасов, – представился чекист. Покряхтел, вытягивая из одежды удостоверение. – Ознакомьтесь, если пожелаете.

– Давайте к делу, – поморщился Максимов. Не любил он затяжные преамбулы в духе бесконечных вводных к английским детективам.

– К делу так к делу, – покладисто согласился чекист. – Просьба отнестись к нашей беседе как к беседе частных лиц. Образ здания на Коммунистической, 1, пусть не тревожит вашу трепетную психику.

«И все же лучше бы ты сгинул», – подумал Максимов.

– До недавних пор я отвечал за некоторые аспекты работы предвыборного штаба Берегового Бориса Евгеньевича...

Довольно заковыристую фразу изобразил чекист, но фамилию он назвал, в сущности, знакомую. Давно уж Максимов выбыл из политической жизни страны, однако, чтобы совсем ничего не знать, нужно вырезать себе уши и уплыть куда-нибудь на Новосибирские острова.

– Уже не отвечаете, – логично допустил сыщик.

– Причина, собственно, от меня не зависящая, – пожал плечами Квасов. – Хотя некоторые так не считают. Вы не слышали субботних новостей?

По правде говоря, из новостей Максимов предпочитал местные криминальные – по будням. Из строго прикладных соображений. А чтобы в выходные – просто так, за чашкой кофе... Его же дочь родная загнубит. Из правдивых новостей, как уверяет Маринка, остались только спортивные, да и те впитывать нет ни малейшего желания. Особенно футбольные. Лучше классику почитай, папа, а то тупеешь прямо на глазах. Достоевского, например. Или Акунина.

– В четверг вечером кандидат на звание мэра Береговой был застрелен в собственной квартире, – как-то тихо и торжественно произнес Квасов.

Минута молчания уместилась секунд в двадцать. Максимов поинтересовался:

– А сообщили только в субботу?

– Выходит, так, – соорстил неопределенный жест чекист.

– Полагали, что оживет?

– Не оживет, – невесело улыбнулся Квасов. – По крайней мере, не сейчас и не здесь. Имеется подозрение, что убийство связано с предвыборными баталиями. Дело в том, Константин Андреевич, что руководству непонятно, из каких высот спущено пожелание не перетруждаться в расследовании преступления... А виновных – тех, кто допустил преступную халатность, – отыскать среди имеющегося контингента...

– Понимаю. – Максимов сочувственно вздохнул. – Бывает, что и работники СИСТЕМЫ ощущают на себе безумие власти... Я, конечно, не эксперт по демократическим выборам, но что-то не припомню, чтобы в фаворитах гонки значился человек по фамилии Береговой...

– Он не значился, разумеется. Хотя человек был глубоко порядочный... Действующий мэр Подгорский в третий раз свою кандидатуру не выставляет – закон претит. А жаль. Согласно последним социологическим исследованиям, сорок пять процентов горожан – из тех, что согласились участвовать в опросе, – отдали бы свои предпочтения Харитонову Геннадию Тимофеевичу. Безусловный лидер гонки. Поддержка действующего мэра. «Глубоко порядочный, честный, грамотный человек, имеющий огромный опыт работы в хозяйственных и коммерческих структурах...» – Чекист поморщился и от себя добавил: – Ходячая харизма и сокровище нации. А умище-то какой... Дважды пролезал в областной совет.

– Человек и пароход, – согласился Максимов.

– За Харитоновым с отрывом в пятнадцать процентов следует некто Кашкин – директор «Сельхозмаша». Известен тем, что сотворил на своем отдельно взятом заводе социальную революцию, благодаря чему на завод теперь принимают по жесткому конкурсу. Работник вроде бы неплохой. Но кто ему сказал, что завод и двухмиллионный город – это одно и то же? Не все горожане желают участвовать в очередном эпохальном эксперименте. Да и фамилией кандидат не вышел. На третьем месте был Береговой – двенадцать процентов голосов...

– Работники госбезопасности и члены их семей, – не сдержался Максимов.

– Плюс соседи, – подыграл Квасов, решив и на этот раз не обижаться. – Коммунист Коленников имеет десять процентов – что, с одной стороны, не очень красит коммунистическую партию, а с другой стороны – вовсе не факт. Он может набрать и пятнадцать, и двадцать процентов...

– Кому же помешал несчастный господин Береговой? – искренне проявил незнание Максимов. – Вот кабы сделали великомучеником господина, скажем, Харитонova...

Чекист многозначительно помолчал.

– Береговой собирал компромат на соперников...

– Вот как, – ухмыльнулся Максимов. – Глубокая порядочность обретает причудливые очертания. Ну, что ж, судя по результату, он его собрал. Подозреваются господин Кашкин и господин Харитонов – я правильно понимаю? Даже скорее последний, чем первый.

Чекист кивнул.

– В общем, да. С моей точки зрения, это главная версия. Остальные прилегают.

– И как же ваш работодатель соизволил... погибнуть?

Чекист как-то съежился, ненароком глянул в зеркало заднего обзора и схватился за очередную сигарету. «Хорошенькое дельце, – подумал Максимов. – А хочу ли я вот так же ози- раться и трястись за свою шкуру? Или все же спасение в незнании?»

– Массовая гибель людей, Константин Андреевич... Но об этом средства массовой информации не сообщали. В десять вечера Береговой в сопровождении трех охранников

направился в ресторан «Зеленая поляна». По просьбе администратора расположился в отдельном зале – там несколько таких комнаток со своими ходами. С кем беседовал, неизвестно – оперативной группе не удалось найти ни одного свидетеля.

– Это как? – не понял Максимов.

– Помещение обслуживал один официант. Его не могут найти. Пропал, и все тут. Жена подала заявление о пропаже, но, сами понимаете...

– Лучше некуда. Дальше?

– В зале ресторана с Береговым находился работник по фамилии Зотов. Контролировал дверь. Он видел, с кем общался Береговой...

– Судьба официанта, – догадался Максимов.

– И никаких следов, – подтвердил чекист. – Известно, что Береговой благополучно добрался до дома, отпустил двоих (Зотова и Пономаренко, который божится, что ничего не видел), в сопровождении охранника Мухина поднялся в квартиру... Наутро дворничиха обнаружила в беседке труп охранника Грушко, в подъезде наткнулись на мертвого Худенко, а, взломав квартиру, – на тело Бориса Евгеньевича... Все застрелены. Охранник Мухин пропал.

– Ничего себе, порезвились, – присвистнул Максимов. – А в чем проблема, уважаемый? Отправных точек расследования наберется с десятков. Пропавший официант, персонал ресторана, жители близлежащих домов. А если хотите, могу вам напророчить. Или сами догадаетесь, кто беседовал в «Поляне» с вашим трупом?

– Ну, уж увольте, – возмутился Квасов. – С моим трупом еще никому не удавалось побеседовать. А что касается отправных точек расследования... Было бы лучше, Константин Андреевич, если бы ими занялись вы. За хорошие, разумеется, деньги.

И чекист надолго замолчал. Между тем из родимого подъезда вышел Вася Курочкин – великовозрастный debil с пятого этажа, развлекающий по ночам семью Максимовых загнивающей российской попсой – поскользнулся на свежем ледке, нарисовал танцевальное па и хряпнулся носом в грязный снег. Герметичность дверей уберегла от выслушивания забористых фольклорных выражений и металингвистических оборотов.

– Я не думаю, что на том свете понадобятся хорошие деньги, – нарушил молчание Максимов. – О какой, кстати, сумме вы деликатно умалчиваете?

Чекист ненадолго оживился.

– Тысяч сорок, пятьдесят... По желанию можно в евро...

«Все понятно, – сообразил Максимов. – Тухляк. Реальная цена подобного расследования – максимум двадцать...»

Протащился Курочкин – с разбитым носом, опущенный ниже плинтуса. Остановился, чтобы врезать ногой по крылу, даже ногу занес, но что-то заставило переменить решение – приставил пятку, поплелся дальше.

– Вы согласны, Константин Андреевич? – нетерпеливо спросил странный чекист (хотя чего в нем странного? – боится попасть под молох, вот и дергается).

– Прошу меня простить, уважаемый. – Максимов склеил, сколько мог, сочувственную гримасу. – Но в сомнительные мероприятия, включающие преступления по политическим мотивам, наше агентство старается не ввязываться. Предпочитаем жить небогато, но долго. Очень жалко, что отнял ваше время.

– Вы уверены? – угрюмо спросил чекист. Досада на дочиста выбритой физиономии отразилась болотными цветами – такого колера бывает плесень на лежалом хлебе.

– Да перестаньте вы, в конце концов, – поморщился Максимов. – Дело гадкое, и обрете мы при любом раскладе миллион неприятностей. А вы меня сознательно подставляете.

– Да нет же... – вспыхнул чекист. – Любая помощь в пределах моей компетенции...

– Всего вам доброго, офицер, – распрощался Максимов. – Не делайте из меня человека без нервов. И телефончик свой... оставьте на всякий случай. Вдруг жить надоест?

9.30. Офис агентства «Профиль»

До работы в этот день он добрался самым последним. Машину окончательно забросил, по привычке погнался за общественным транспортом. Народу в частном автобусе – не пропихнуться. Студенты, трудяги, карманники... И куда, скажите на милость, с утра пораньше едут пенсионерки? За хлебом в соседний район – потому что он там на три копейки дешевле? Разбитая коленка саднила нещадно. Место не уступили. Зато прослушал от обиженного несостоявшегося «зайца» целую лекцию о том, как не умеет российский муниципалитет стимулировать пассажиров. В Таиланде, например, давно извели «зайцев», сделав проездные билеты лотерейными.

Припадая на злополучную ногу, кое-как взгромоздился на второй этаж, отпер собственным ключом. Любаша в монитор не смотрела. И уши, видимо, косметикой замазала. Угрюмо понаблюдав, как секретарша на свободном пятачке приемной занимается сексуальной физзарядкой (попку назад – покрутила, выгнулась дугой – еще раз покрутила), он негромко кашлянул. Секретарша шарахнулась, зацепив штору.

– Нет предела совершенству, Любаша, – сурово заметил Максимов. – И где же такое преподают? На курсах целомудрия и благопристойности?

– Ой, только не увольняйте, Константин Андреевич, – взмолилась секретарша. – Неужели вы не слышали про гимнастику тайцзицюань?

– Уволю, Любаша, обязательно уволю, – покачал головой Максимов. – Но ладно, так и быть, не сегодня. Но если завтра же не сделаешь свой make-up попроще...

Он выдержал многозначительную паузу и заглянул в офис.

– Проходите, Константин Андреевич, не стесняйтесь, – сказала Екатерина.

Он вошел – не оставаться же навек в приемной. На часах половина десятого – не может начальник опаздывать с такой наглостью. Может, он в главк заехал?

Он смерил подчиненных строгим взором секретаря по идеологии. Идиллия. Противоборство темным силам набирает обороты. Вернер прикрутил себя шурупами к командирскому креслу и мечтательно переживает за бесцельно пропитые деньги. Олежка Лохматов, постригся наконец-то, скинул со своих двадцати трех как минимум десяток, вдумчиво созерцает криминальные новости (переключил мгновение назад). Екатерина заполняет квитанцию из ЖЭУ, попутно любуясь сумасшедшим маникюром.

– С добрым утром, – бухнул Максимов.

– Не в духе руководство, – констатировала Екатерина, поднимая глаза.

– С добрым утром, командир, – скрипнул шеей Вернер. – Непростое оно, согласишься? Одна лишь неуверенность во вчерашнем дне чего стоит...

– С ума сойти, – завистливо пробормотал Олежка, некультурно тыча пальцем в экран. – Много я повидал, но чтобы зенитные установки на складах сельхозинвентаря произрастали... Полгода крестьяне об нее запинались, не могли понять, что за штуку главный аграрий из командировки привез!

– А с моим приятелем из Первомайки вообще невероятное случилось, – оживился Вернер. – Гнал иномарку через западную границу. Приятель один попросил – за щедрое вознаграждение. Таможенники на КПП привязались по какой-то ерунде и давай мурыжить парня. Лопнуло терпение. Сколько же можно, действительно? «Ну чего вы ко мне прицепились? – говорит. – Вон сзади – полная машина наркоты». Тормознули следующую – угадал! Не машина – чемодан с двойным дном! Приятель под шумок и проскочил. Потом его находят в родном городе и ставят на счетчик на очень серьезную сумму – дескать, плати за убыток, по твоей вине ребята погорели. Представляете? Не к ментам же идти, в конце концов! Хорошо, у него знакомый был среди «первомайских» – поговорили с пацанами, вроде разрулили...

– Костик, а ты сегодня опоздал, – обнаружила Екатерина. – И видок у тебя неважный. Не случилось ли чего?

Максимов молча проковылял на свое место, свергнув Вернера. Начал ощупывать коленку.

– Били Константина Андреевича, – ужаснулся Олежка. – На полном серьезе били.

– Осторожнее надо быть, – поцокал языком Вернер, падая на простой стул. – Я вам точно говорю: если на вас неожиданно напали в подворотне, дали по зубам, в живот, отбили почки – тут, главное, не растеряться...

– Хватит! – рявкнул Максимов. – Гололед на улице – неужели непонятно? Ближе к делу, коллеги.

– Ты слышал, что Берегового убили? – перешел к делу Вернер.

– Слышал, – огрызнулся Максимов.

– От кого? – насторожилась Екатерина.

– Не помню. С какой такой пьяной радости вы стали интересоваться выборами, коллеги?

– Мы стали интересоваться убийствами, – поправила Екатерина.

– Напрасно, коллега. – Максимов возвысил голос. – Уголовные дела наше агентство не беспокоят. Если кто-то не согласен – будем зубрить Устав. Вместо обеда.

– Да мы не спорим, – сгладил шероховатость Вернер. – Правильный ты наш.

– А я вообще на выборы не пойду, – поделился Олежка. – Надоели эти предвыборные проклятья.

– Пойдешь, – зловеще прошептала Екатерина. – Голосуй или умри...

– Иначе говоря, в течение моего вынужденного отсутствия никаких выдающихся событий не происходило. Клиенты не звонили. – Максимов задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Вроде того, – немного смутился Вернер. – Мы тут поспорили немножко. Екатерина высказала предположение, будто бы ты отправился в банк за нашей зарплатой, поскольку давно бы пора... но мы с Олежкой хором ее разубедили – ведь не в твоих же это правилах, командир...

– Убью, – пообещал Максимов.

– Да мы не против, – улыбнулся Вернер. – Зачем нам зарплата? Можно сперму сдать. Шестьсот рублей за порцию. Приятно и деньги неплохие. Если каждый день по шестьсот рублей... – Сотрудник зашевелил губами, перемножая шестьсот на тридцать.

– Здорово, – обрадовался Лохматов. – Завтра всем составом идем сдавать сперму.

– Подожди, – не поняла Екатерина. – Мне тоже вместе с вами идти сдавать сперму? А вдруг я не смогу?

Конфликта полов, к большому облегчению, удалось избежать, поскольку отворилась дверь в приемную, просунулась Любочка и сухо доложила:

– Константин Андреевич, пришла посетительница. Та самая, что звонила в девять ноль девять.

– Не понял, – растерялся Максимов. – Какая посетительница? Какие ноль девять? Мне только что было доложено, что никакие клиенты не звонили.

– Черт... – схватился за голову Вернер. Остальные покраснели. Любаша подбоченилась.

– Попались, господа?

– Предательница... – погрозил кулаком Лохматов. – Константин Андреевич, мы тут немножко опоздали, извините... Но вы же нас об этом не спрашивали?

– Черт знает что! – рассвирепел Максимов. – Развели тут бардак, мать вашу!.. Хорошо, об этом мы поговорим позднее. Приглашай, Любаша.

Посетительнице было основательно за сорок. Выглядела прилично, следила за собой, хотя и не заметно, что купалась в роскоши. Но неприятности имела серьезные – черные круги под глазами, глаза потухшие, запавшие. Движения вялые. Сумочку поставила на колени, худые пальцы дрожали, теребя застёжку.

– Шабалина Анна Николаевна, – представилась женщина, не теряя времени. – У меня пропал сын...

У нее был дрожащий голос, но повествовала женщина внятно, не скатываясь в словоблудие и бред. Она вполне адекватна и отдает отчет своим словам. Сын пропал еще в четверг. Отправился на дискотеку в «Розовую черепаху» (какой мудрец разрешает дискотеки по будням?), домой не вернулся. Шабалин Дмитрий, 18 лет. Фото прилагается. Жалеет страшно, что первым делом обратилась в полицию, понадеявшись на профессионалов, а те за три дня так ничего толком и не выяснили. Террористы у них, убийства, выборы на носу... Шума было много – Анна Николаевна лично поставила на уши районную полицию, включая капитана Завадского (и.о. начальника уголовного розыска), да так и ушла ни с чем. Сил кричать уже не осталось. Обегала всех знакомых и друзей Димы, но разве можно от них чего-то ясного добиться? Твердят, что не знают ничего. Даже Света Стрельченко – с которой Дима, собственно, и отправился на «скачки» – твердит, что ничего не было. Расстались, пошел домой. А у нее какие основания не верить Диминой подружке? Сердце уже не выдерживает бегать по дворам. Не умеет она заниматься поисками. Инженер по профессии. Но не оставлять же это дело на самотек? Кто-то же должен искать ее Диму, если полиции некогда?!

– А муж? – мягко поинтересовался Максимов. – Он не занимается поисками сына?

– Занимается, – глубоко вздохнула женщина. – Но, видите ли, дело в том, что мой муж... он страшно занят. Аркадий Алексеевич коммерсант, торгует кетчупом... Нет, он не родной отец Димы... Отчим... Что вы, – спохватилась женщина, и глаза ее наполнились слезами, – Аркадий Алексеевич прекрасный человек, глубоко переживает за судьбу пасынка, готов помочь всеми силами...

– Главным образом, деньгами, – проворчал Вернер.

– Конечно, – торопливо заговорила женщина. – С этим нет проблем, он выложит любую сумму, какую вы скажете... Скажите, я могу рассчитывать на вашу помощь? Я прекрасно понимаю, что упущено время, в другом агентстве – оно находится, кстати, в вашем же доме – мне сказали, что им нет смысла заниматься этим делом, поскольку минуло трое суток, и вряд ли мой сын... – губы женщины задрожали, – ж-жив...

– Это еще благородно, – пробормотала Екатерина. – Могли забрать у вас деньги, пропить балду, а потом заявить, что они предупреждали.

– Хорошо, Анна Николаевна, – принял решение Максимов. – Зайдите к секретарю, она составит договор. Обещать ничего не будем – мы постараемся внести ясность в обстоятельства исчезновения вашего сына. С вас потребуются адреса и телефоны людей, общавшихся с Дмитрием, и, если можно, фотографии. А также непредвзятое описание характера вашего сына, привычек, поступков... и вспомните, пожалуйста, последний день, когда вы его видели.

Когда за сломленной горем посетительницей закрылась дверь, он с облегчением откинул голову и воззрился в потолок. Не самая благодарная работа – выискивать пропавших молодых людей (какой процент их возвращается живыми и здоровыми?), но очень гладко вписывается в Устав детективного агентства. В отличие от того, что предлагал Квасов... Он вспомнил разговор с угрюмым чекистом и невольно вздрогнул. Избавь его господь от подобных заказчиков...

Он совсем забыл о своем благородном намерении намылить коллегам шеи. И те немедленно постарались укрепить его забывчивость.

– Странно, – пожал плечами Екатерина. – Ее муж торгует кетчупом. Звучит анекдотично.

– Нам нужен томатный спонсор? – поинтересовался Олежка Лохматов.

– Найдем сынулю – будет, – уверил Вернер.

– Не найдем, – качнула мудрой головкой Екатерина. – Разве что тело. Ситуация ясна как божий день. Возвращался с дискотеки, решил рискнуть дворами – слово за слово...

– Без содействия полиции и тело не найдем, – перебил Максимов. – Как вы это себе представляете, коллеги? Но с полицией мы сотрудничать разучились. Хотя капитана Завадского я в принципе знаю... Ладно. – Максимов рассортировал адреса и раздал сотрудникам. – Вы – по этим, я – по этим. Работаем за деньги, не к лицу нам жаловаться...

В который раз он убеждался – без машины «кочевая» работа выглядит смешно и даже позорно. Пришлось пыхтеть через мост на автостоянку, прогревать «Рено» и на своих колесах возвращаться в центр, где предстояла обширная программа.

Выезд с Пионерского проспекта на Вокзальную магистраль загораживали бетонные блоки – «с целью разгрузить одну из основных транспортных артерий города». Судя по обилию на обходных путях орлов из ГИБДД, разгружали в основном бумажники водителей. Максимов отделался «сиреновой». Свернул не туда, зато красиво, а этот птенчик тут как тут. Какой же гаишник не любит быстрой езды? Права, техпаспорт, автогражданка... «Выемка» документов и передача в мозолистые руки закона сопровождалась иезуитской улыбочкой. «Нарушать изволим, гражданин?» – «Да ни в жизнь, – возмутился Максимов. – Прости, командир, задумался»... Купюра в техпаспорте. – «Ага, взятку предлагаете, гражданин? А телевизор смотрите? Один такой же предложил и загремел на долгий срок – за попытку подкупа лица при исполнении служебных обязанностей. Следуем в суд, гражданин?»... Долгий срок – два года условно. Но все равно неприятно. Стыдно ощущать себя закоренелым преступником. «Так у него же камера в машине была, лейтенант, а у тебя только палка. И вообще, какая взятка, о чем ты? Моя это банкнота, от жены заныкал». – Смешно обоим. Купюра смиренно поменяла владельца. «Проезжайте, гражданин, и полегче на поворотах».

На бетонных блоках красовались предвыборные плакаты. Трое в ряд – и все на одну рожу. Прямо скажем, не голодную. «Я знаю, что нужно этому городу!» А кто ж не знает, Геннадий Тимофеевич? Огромное хранилище делимых материалов посреди центральной площади. Всего лишь. Завезти побольше оружейного урана, закопать, деньги на утилизацию разворовать и терпеливо дожидаться, пока грохнет...

Двор элитной девятиэтажки уютом не поражал. Трансформаторная будка с добродушным черепом, горка снега, не пожелавшая растаять, густо пахнущие мусорные контейнеры, стада иномарок на местах, предназначенных для газонов. Небольшая автостоянка с упитанным работником в черном – на спине белым трафаретом: «Охрана» (чтобы не промахнулись, если убежать вздумает).

«Элитное» жилье вблизи вокзала и сопутствующие ему криминальные прелести – любимая тема журналистов. От греха подальше Максимов загнал «Рено» на стоянку, расплатился и начал осматриваться. Квартира, по логике, должна располагаться в первом подъезде – оттуда как раз с непроницаемым лицом метательницы молота выплывала необъятная тетушка с пузатым пакетом от «Сибириады». Размахнулась, метнула пакет в сторону контейнеров и, не глядя на результат, развернулась к подъезду. Хлопнула дверь.

Неизвестно откуда вынырнул разноцветный бомж (за капотом в засаде дожидался?), отдуваясь, ринулся за добычей. Но не тут-то было. Желто-синий «уазик» уже давно притормозил у турагентства в торце здания. Вылетел рослый мужчина в камуфляже. Метнулся наперерез.

Насладиться добычей бродяга не успел – твердая длань сгребла за шиворот и потащила к «луноходу», откуда выбирался еще один гражданин полицейской наружности – при усах, в пуховике и брюках с кантом. Руководитель.

– Молодец, Лычкин, – одобрил действия подчиненного. – Грузи его. Но только без багажа, учти. Своего хватает.

Матерясь, омоновец отобрал у жертвы пакет, швырнул по месту назначения, но дистанция подвела. Отходы плюхнулись в лужу, взметнув тучу брызг. «Арестованный» упорно не

желал загружаться в кормовой обезьянник. То конечности мешали, то завязанный под горлом треух. Но на то и голова, чтобы подходить к делу творчески. Поразмыслив, омоновец беззлобно треснул бомжа по почкам, отчего тот согнулся и вошел в неволю как миленький. Всплыл хороший анекдот: «Хулиган Сидоров избил прохожего и попал в милицию, где и проработал до самой пенсии».

– Максимов! – заорал на весь двор руководящий кадр. – Сколько лет, сколько зим!

Ловец бомжей стремительно обернулся, готовясь к новому прыжку. Максимов машинально напрягся – как любой нормальный человек, привлечший внимание полиции, но ненадолго, узнал товарища. Как же не узнать брата Колю...

– Отставить, Лычкин, свои, – руководитель с широченной улыбкой двинулся в обход лужи. Капитан Завадский, собственной персоной (Коля, ты зачем усы отрастил?).

– Маскировка, – прочитав мысли бывшего коллеги, хохотнул руководитель. – Чтобы поменьше узнавали...

Встретились на неглубоком участке. Мент в пуховике приобнял Максимова как родного, похлопал, прошептал на ухо:

– Оружие, боеприпасы, наркотики?

– Не увлекаюсь, Коля, – засмеялся Максимов. – У вас сегодня праздник?

– Всенародный. «Вихрь-Антитеррор» называется. Слышишь, как завывает? Богам с Олимпа ведь не докажешь, что у нас на носу выборы и хорошо бы это дело переждать.

Частному сыщику сделалось немного стыдно – такие вещи положено знать. Дня за два. Но выпало как-то. Чему уж удивляться – он даже убийство кандидата сумел проворонить!

– А бомжа-то за что, Коля? Шахид переодетый? Мусорку взорвать хотел?

– Не придирайся, – погрозил пальчиком Завадский. – У меня план, тебе такого не понять. Собственно, и мне понять сложно, но начальству виднее. Приказ сверху – сообрази? В день как минимум по пять террористов нужно изолировать. Сойдут и потенциальные. Нет, Константин, я, конечно, не спорю, наш министр, возможно, где-то и нормальный человек... забываю все время его фамилию, особенно после ста коньяка... – но сколько лиц с ограниченной ответственностью минует этот приказ, пока слетит вниз, и во что он превратится?

– А чеченцев в городе не наблюдается?

– Скажу тебе по совести, – Завадский хмыкнул, – наблюдаются. Много чеченцев. На приличный отряд наберется. Но чеченцев брать нельзя, они ни в чем не виноваты. Зачем обижать хороших людей?

Максимов ускоренно соображал. Второго шанса не будет. Зачем ходить за помощью к полиции, если полиция сама пришла?

– Послушай, Коля, – Максимов помялся, – и долго ты намерен эти грибы собирать?

Завадский посмотрел на часы.

– Да, пожалуй, что и хватит. Полны лукошки. Ты по делу в этих краях?

– Работаю, Коля. К тебе приходила Анна Николаевна Шабалина, не вздумай отрицать. У нее сын пропал.

Завадский как-то по-девчоночьи смутился. Одернул пуховик.

– Ну, была такая... Неугомонная тетушка. Весь отдел на уши поставила... Да сочувствую я ей, куда деваться? Но когда искать, согласись, Константин? Работы – во! – Костлявая пятерня окольцевала горло. – Не я же ее придумал, эту работу.

– Бомжей скирдовать, согласен, – фыркнул Максимов, – а потом выпускать по одному. Несчастные вы люди. Помогите мне, Коля? Пара адресов: один – здесь, другой – на проспекте, за Домом книги. Я на машине – за час управимся. А с меня при случае – «Хеннеси».

Завадский задумчиво почесал шевелюру.

– А «при случае» – это когда?

– Решай сам. Работаю до шести.

– Ладно, жди. Машину отпущу.

Неплохое прикрытие – знакомый и почти что дружественно настроенный мент. У него – права и корки, а у Максимова – только дырки в заборе, то есть в законе.

Вернулся Завадский, беззаботно насвистывая. «Узик» обогнул просевший черный сугроб и резво выбежал на магистраль.

– Предыстория долгая?

– Садись, покурим. – Максимов выудил пачку.

Стены лифта расписали густо и узорчато. Словно так и надо. Похоже, на престиж дома и его обитателей местным детишкам глубоко наплевать.

– Пуховик расстегни, Коля, – посоветовал Максимов. – Жарко, и форму не видно.

– Может, еще и ствол достать? – ощерился Завадский. Но «молнией» противно скрипнул. – Куда едем, Константин?

– Некий Бурмин Александр Сергеевич. Тридцать первая квартира. Восемнадцать лет, студент. Филиал... чего-то московского, не помню. Платное обучение.

– Экономики, культуры и нравов, – пошутил Завадский. – Выходи, Константин, станция. Я буду «тупой прапор». А ты...

– Майор? – ухмыльнулся Максимов.

– Да хоть маршал. Выметайся.

Двери лифта открывались почти автоматически. На площадке грохотала музыка, смикшированная при активном содействии отбойного молотка.

Завадский с любопытством приложил ухо к нужной двери, испуганно отдернул, когда к реву отбойного молотка присоединилась дурная выпь. Поковырял ушную раковину.

– Ни хрена себе... Звони, Константин, расслабляется твой отрок.

После третьего звонка загремели стальные запоры, распахнулась дверь, и кудрявый юноша в гавайских трусах храбро начал:

– Какого хре... – разглядел под носом форму, но по инерции завершил, – ...на?..

– Уголовный розыск. – Завадский водрузил парню под нос удостоверение и, тесня в глубь просторной прихожей, продолжал беседу: – Бурмин Александр Сергеевич?

– Чё? – соорудил несчастную физиономию отрок.

– Музыка приглушите, молодой человек, – мягко посоветовал Завадский.

– Чё? – не понял отрок, натываясь на косяк из красного дерева. То ли и впрямь не слышал (под такой грохот – пулемет не услышишь), то ли соображал о предпочтении той или иной линии поведения.

– Музыка выруби, Пушкин недоделанный!!! – заорал Завадский, толкнул юношу в сторону источника звука. Пацан влетел в комнату. Максимов недовольно поморщился, обращая взор к потолочным панелям. Надо же так расписать – будто храм католический. В комнате между тем что-то стукнуло, брякнуло, упало, видимо, на диван, протестуяще взвизгнуло, щелчок, и оркестр заткнулся.

Он выждал пару минут, давая «тупому прапору» сотворить задел. Потом вошел в просторную «детскую», изрядно нервничая. Понятно, что родителей дома нет – кто такой концерт выдержит? – но не легче. Парень явно неуравновешен, с закидонами – он эту публику по глазам определяет (психических заболеваний нет – просто дурак). Упрется отрок, накатают с предками жалобу – у Завадского будут неприятности, а у Максимова – в квадрате.

Но бывший коллега, невзирая на «определенные» недостатки, дело знал. Развалившись в потертом кожаном кресле, капитан излучал иронию и доходчиво объяснял присмирившему Бурмину А. С. сложившуюся ситуацию:

– ... Дело, браток, под неусыпным контролем – если знаешь, конечно, такое слово. Нужны дополнительные неприятности? Организуем. Давай-ка быстро, четко и ни грамма вранья – на дискотеке в «Розовой черепахе» 15-го был?

Насколько складывалось впечатление, врать с три короба Бурмину причин не было. Не похож на похитителя друга. Но что-то парня напрягало – безусловно. При упоминании «Розовой черепахи» изнеженное личико как-то разом дернулось и загуляло серыми пятнами. Завадский украдкой покосился на Максимова – наблюдаешь, сыщик?

– А я помню? – пробормотал Бурмин.

– Вспомним, – хищно осклабился Завадский. – Ну-ка, что это у нас? – Потрясающий нюх у капитана: потянулся, не вставая с кресла, к хромированной этажерке, уронив парочку компактв, и вытянул из-за стопки дисков коробочку с бледно-зеленой плотной субстанцией в форме куска мела. Отрок позеленел. Забавно наблюдать за пертурбациями человеческого лица.

Завадский понюхал находку, с удовольствием облизнулся. Подмигнул напарнику.

– А ордер у вас есть? – жалобно пролепетал допрашиваемый.

– А зачем нам ордер, птенчик? Позовем соседей – они тебя не очень любят, верно? Оформим «пластилин», грамм сто пятьдесят точно будет, и двести двадцать восьмая готова – а это, чтобы ты знал, до трех. Трешник на зоне ты не вытянешь, не пыжись, но это ладно. С друзьями делился? А как же. Уже часть вторая – до семи. А если друзей потрясти – курили ведь у тебя, скажешь, нет? Получается притон, увесистая статья. Где у тебя бумага?

Завадский подскочил, освободил принтер от стопки глянцевого журналов, выдернул несколько листов и кивнул Максиму – вступайте, коллега.

– Александр Сергеевич, – мягко, но внушительно вступил Максимов, – расскажите нам о дискотеке 15 апреля в клубе «Розовая черепаха».

– А чего рассказывать? – нервно дернул плечами свидетель. – Двести за вход. Ну, прыгали. Танцы какие-никакие. Лапами стучали. За пивом бегали...

– Все за «Сибирскую корону»? – уточнил Завадский, не отрываясь от писанины. Максиму очень хотелось спросить, чего он там пишет, а главное – зачем?!

– Шаба со Стрелкой пришли часов в девять... Или в десять. Не помню. Мы как раз из-за стола встали – размяться на скачке... – Бурмин перехватил взгляд Максимова, уточнил: – Димка Шабалин и Светка... как ее?... Стрельченко. Потряслись, пару миксеров выдули, потрепались... – Странное дело, уловив, что «гостей» интересует только пропащий, отрок как-то воспрянул духом: – Шаба матюкался на препода по начерталке – тройбан поставил ни за что... Стрелка поддакивала – ей тоже просто так трояк вкатили.

– Ссорились с кем?

– Да как бы ни с кем...

– Вспоминай, склерозник! – зарычал Завадский. Пацан мгновенно съежился.

– С Фигой немного поцапались... Так, мелочовка, Фига к Светке с какого-то перепоя полез, оскорблять начал... он баб вообще с трудом воспринимает... а Димка вступился, трясти его начал...

– Сильно трясти?

– Да ничего так, качественно. Фига вообще в другой тусовке вертится, а в этот вечер не иначе заплутал... Димка в ухо ему врезал, тот крыльями затряс, выражаться начал, Димка и врезал ему в другое...

– Фамилия?

– Чья? – вздрогнул отрок.

– Фиги твоей, тормоз! – Завадский умудрялся кричать, не отрываясь от писанины. Сложное искусство – за год не освоить.

– Кукин, – пожал плечами Бурмин, – Алексей Кукин... Повякал и ушел от нас – обсыхать. Его Стрелка – после того, как Шабан порезвился, – пепси-колой окатила...

– Ушли вместе? Шабалин и Стрельченко?

– Вместе, – приободрился Бурмин, – точно вместе, зуб даю. Да многие видели, как они уходили, – чего вы, мужики, не верите, что ли?

– Когда?

– В одиннадцать их точно не было, наши все за столом сидели.

– Адрес Стрельченко?

– Да не знаю я, где она живет... С Димкой в одной группе учится...

Максимов не настаивал – адрес Кукина в кармане, мать пропавшего дала телефон, а Стрельченко – Екатерина найдет.

– А теперь думай, дружок, – вкрадчиво сказал Завадский. – Куда он мог пропасть и зачем?

– Да не знаю я, – развел руками Бурмин. – Честное слово, мужики, не знаю. Мать его задержала, народ, а народ – без понятия. Найдется Димка, куда он денется?

– Долги, разборки, завис где-нибудь? – долбил в одну точку Завадский.

Бесполезно. Создавалось удручающее впечатление, что касательно пропажи товарища Бурмин не врет и искренне недоумевает. Напрягает парня другое, но другое Максимова не касалось никоим образом. Получив еще несколько малозначащих наводок, Максимов переглянулся с капитаном – больше спрашивать не о чем. Завадский с серьезным видом пересчитал исписанные листы и протянул юнцу.

– Напиши: «С моих слов записано верно, мною прочитано». И распишись.

– А я читал? – приободрился отрок.

– Так читай!

Бурмин ознакомился с сочинением долго и старательно. Прочитав, поднял перепуганные глаза.

– Я не буду это подписывать...

– А и не надо, – покладисто согласился капитан. – Одевайся, дружище. Поедем в отдел. Там тебя оформим – по закону, как положено. Заодно от музыки отдохнешь, а предки – от тебя.

– Не имеете права! – На глазах прожигателя жизни образовались слезинки.

– А это что? – Капитан тряхнул коробкой с «пластилином». – Не хочешь по-хорошему, давай по-плохому. Нам, в сущности, безразлично. Зовем соседей, да хоть прохожих с улицы. Хорошенько обыщем квартиру... Гм.

– А если подпишу? – зарядил торговлю отрок.

– Отделаешься коротким испугом, – вставил Максимов. – До следующего попадания. Но это уже твои собственные проблемы.

– Да пиши уж! – потерял терпение Завадский. – И расписку: «В моей квартире по адресу такому-то изъята масса растительного происхождения...»

– Отлично ты его на «пластилин» раскрутил, – смеялся Максимов, огибая помпезные иномарки, выстроившиеся у торгового центра «Флагман». Непростое занятие – в центре города вырваться на просторы.

– Чепуха ничтожная, – отмахнулся капитан. – Вот если бы я гранатомет нашел... Тогда, под операцию, весь в белом. Начальство зависает, коллеги чернеют от зависти. А теперь – хоть сам кури этот «пластилин», его даже в ОБНО не возьмут – где акт изъятия, где понятые?... Следующий кто? Кукин?

– Так точно, – кивнул Максимов.

– Тоже из «деток»?

– Не совсем. Одинокий гениальный компьютерщик. Родители с немалым весом, но обитают в соседнем Кузбассе. Сыночек делает вид, будто самостоятельно встает на ноги.

Зачем Завадскому понадобился протокол, из которого любой выпускник юридического махом слепит «превышение работником полиции служебного положения», Максимов не спрашивал – догадался. Напуганный юнец при случае снабдит информацией – а в их тусовках знают многое, а главное, язык за зубами держать не научились. Проще говоря, будет стучать, как пионерский барабан.

На повороте от ЦУМа Максимов рванул на желтый – опять человек с палкой! Упитанный старшина жезлом скомандовал прижаться к обочине. По этой стороне магистрали и гаишники другие. Вооружены короткоствольными автоматами – и Максимов не в первый уж раз ощутил досаду: какой мудрец додумался вооружать дорожную службу как на Кавказе, где большинство из них успело побывать? (Но там понятно – злые горы, мирно воюющие горцы...) Не дай бог случится повод – начнет палить...

Пришлось притормозить у обочины.

– Отлично водишь, Максимов, – разозлился Завадский. – Ладно, сиди, не отвечивай.

Чертыхаясь сквозь зубы, Завадский удалился. Не узнал рыбак рыбака. Пара минут беседы, и старшина потерял интерес, погнался за более доступной жертвой. Но в машину Завадский не спешил, узрел неподалеку что-то интересное, призывно махнул: «За мной» – и двинул к обшитою ярким сайдингом крупнейшему в городе рассаднику сотовых телефонов. Под витриной уже наблюдалась немаленькая толпа – преимущественно из мужчин от семи до семидесяти. Гам, хихиканье. Что за цирк?

А за витриной творилось... Черт знает что. Пятеро парней с сосредоточенными лицами (явно позаимствованные администрацией в ближайшем мужском стрип-баре) медленно разделяли группу аппетитных девушек. Профессионалок набрать не успели: одна пыталась засмущаться, съезжилась, но подоспевшая дама с бейджиком быстро объяснила скромнице, что стеснительность – это не то, что сегодня требуется женщине. Нечего вырываться из синхронности. Один из парней, обозрев распахнувшуюся красоту, уже макал кисточку в ведерко. Двум красавицам мужские пары не достались – обходились собственными усилиями. Живописец делал первые наброски...

Максимов пихнул восхищенного капитана в плечо.

– Публичные действия сексуального характера. Весомая статья. Поехали, капитан, засмотрелся. Рекламная акция. К телам все равно не пустят – там свои пастухи.

– Нет, ну какой натюр... – расстроено бухтел Завадский, тащась за Максимовым в машину. – Развели порнографию среди белого дня. Совсем стыд потеряли!

– Да брось ты, – цитировал Максимов. – Стыд бывает у мужчин. У женщин – только обычаи.

Екатерина ангельским голоском доложила, что найти Светлану Стрельченко не представляется возможным – девочка прочно ушла на дно. В институт не приходит, родители таинственными голосами заявляют, что дома ее нет, и когда будет – неизвестно. Но существует определенная вероятность, что девушка появится в институте завтра – ответственная лабораторная работа по термодинамике. Пропускать нельзя, замучаешься пересдавать. Время занятий – прилагается.

– Хорошо, Катюша, – поразмыслив, сказал Максимов. – Оставляй это дурное дело. Завтра сам съезжу. Дуй в офис, и до конца работы – из агентства ни ногой.

Поплутав по дворам, прилегающим к проспекту, с трудом отыскали нужный дом. Визит к Алексею Кукину, веб-дизайнеру и студенту филиала Уральского юридического института, не затянулся. Отворил прилизанный молодой человек в лосинах – печальное будущее многострадальной российской юриспруденции. При виде форменных штанов и пронзительных глаз, как и водится, испугался, отступил в квартиру.

– Приглашаешь? – ухмыльнулся Завадский.

– Ваши документы! – визгливо потребовал Кукин. Завадский расхохотался, моментально создав неформальную дружескую атмосферу. Проживало очередное чудо в крохотной однокомнатной квартирке на шестом этаже. Из мебели – холодильник, бессмертная плитка на две спирали образца шестидесятых, музыкальный центр, компьютер-принтер-вай-фай. На стенах плакаты с изображением Шварценеггера в набедренной повязке, Ван Дамма в плавках, Дольфа Лундгрена в шортах и неизвестного культуриста в фиговом листке. Скучали покрытые пылью гантели. Хозяин квартиры нервничал и грубил по непонятной причине. «Вы что, молодой человек, в гусарах изволили служить?» – брезгливый кивок на лосины. Молодого человека яростно тошнило от вида полицейского. «Не служил и не собираюсь. Армия – не место для нормального человека». – «А кто сказал тебе, что ты нормальный?» Небольшая, но яростная дискуссия. Фига грозил юридическими познаниями, неясной ориентации «общественными клубами» и знакомыми адвокатами. Завадский, потеряв терпение, популярно разъяснял, что свяжется с военкоматом, которому на все вышеперечисленное радостно наплевать, Кукин, икнув, сбавил тон, и стороны пришли к консенсусу.

– Рыльце у тебя в пушку, и от ментов ты готов бегать, как фашист от «катюши», – сделал ценное наблюдение Завадский. – Молись, голубок, что сегодня мы пришли по другому поводу. Итак, пятнадцатое число, клуб «Розовая черепаха». Отдыхающий по кликухе Фига. Не старайся нас уговорить, что целый сонм бездельников общался с твоим призраком.

Да, признался снисходительно Фига, почтил он сей захудалый скачок своим присутствием. В стельку не напивался, «французского ерша» с «отверткой» не мешал. Пришел с приятелем, но быстро с ним поссорился и остался в тоскливом одиночестве. Прицепился к компании, нашло «затмение» – а что такого, если тоска гложет? К Стрельченко почти не приставал, просто «вел себя галантно». Зато Шабалин повел себя «как последний хам» («Противный», – ухмыльнулся Завадский). А Кукин, будучи человеком до мозга костей интеллигентным, не стал устраивать потасовку в общественном месте.

– Возле клуба подкараулил? – ядовито осведомился Завадский.

– Я прошу вас! – умоляюще воскликнул Фига. – Посмотрите на меня внимательно – я похож на драчуна?

Максимов брезгливо поморщился. Смотреть на фигуранта внимательно было так же неприятно, как на собственное отражение после праздника. Нет, не отличается Фига злопамятностью (хотя на память не жалуется) и на Светку Стрельченко, окатившую его пепси-колой, зла не держит. Почти. По завершении инцидента мирно пристроился к компании со знакомыми ребятами, выпили немного «Абсентера». В какую сторону и когда парочка подалась, не знает и знать не намерен.

– Усвоено, – кивнул Завадский. – Обсудим предложение, дружок? Сейчас мы тебя доставляем в отделение – там как раз скуотища – и в отсутствие адвоката продолжаем беседу...

– Подождите, – вспомнил Фига. – В 10.40 их уже точно не было. Мы как раз за столом сидели – Толя Курёха и говорит: а где Шаба со Стрелкой? Тут Спица подходит и сообщает, что Шаба уволок Стрелку из клуба – ее развезло – дескать, самая кондиция для этого самого... ну, вы понимаете... – Фига представил безобразный секс с женщиной и сделал глотательное движение.

– Адреса, телефоны, – потребовал Завадский. – Всех, кто сможет подтвердить, что не позднее 22.40 Шабалин со Стрельченко покинули заведение. Бери бумагу и пиши – не будем мы запоминать твой лепет...

– Этого мало, – напомнил Максимов. – Давай нам всех, у кого мог зависнуть Шабалин.

– Да у любого! – вспыхнул Фига. – Я же не учусь с ним, откуда мне знать, у кого мог зависнуть ваш пропащий! У Стрелки лучше спросите... Но не мог он зависнуть на три дня, поймите – не бывает такого...

В том-то и беда.

Вооруженные списком «на восемь персон», в половине третьего Завадский с Максимовым покинули запуганного дизайнера. Максимов тут же отзвонился сотрудникам – поставив перед каждым задачу и срок ее реализации.

– Наблюдается обыкновенная мистика, Максимов, – разглагольствовал Завадский, с удобством развалившись на переднем сиденье. – Слушай, а почему у тебя в машине так чисто? Плюнуть некуда. Даже в бардачке порядок! Ты не русский, что ли?.. О чем это я?

– Про мистику, – напомнил Максимов.

– Точно. – Завадский опустил стекло и плюнул за борт. – Оба типа крайне подозрительные. От ментов их трясет почти буквально. И грешков за ними – больше некуда. Пробью обоих – не поленись. Может, старые дела всплывут? Но заявляю тебе со всей ответственностью: в деле пропажи Шабалина эти двое – ни одним боком. Невиновны. К сожалению. Уж поверь моей интуиции.

– Моя интуиция не собирается спорить с твоей, – пробормотал Максимов. – Ладно, Коля, программу, кажется, выполнили. Благодарю за содействие. Куда везем твое сиятельное тело? В управление?

– Давай, – разрешил Завадский. – Отчитаться надо – по проделанным бомжам.

Капитан появился тем же вечером – выпивать обещанный коньяк. Недобрый, взъерошенный. Маринка, изумленно ворча: «И кого только не заносит в этот дом...», ушла на кухню – резать семгу. Максимов зарылся в хрусталь, а Завадский, осмотрев все углы, потащился в кресло.

– Представляешь, какие дурни, Константин, зла уже не хватает...

Представлять не хотелось вообще ничего, к тому же добротный коньяк уже переключал из бара в ладонь, но Завадского несло – накопилось за тяжелый день.

– Бесперспективный, видите ли, улов! Рыбак несчастный!

Очевидно, речь велась о начальнике районного управления – хмуром и тяжеловесном подполковнике Грибове. Предшественник последнего майор Лазаренко – собирательный образ народных сказок и частушек – был обвинен в разведении «оборотней» и скоростно отправлен на пенсию. По слухам, обитает нынче в Подмоскovie – в собственном домике. Представленный ему на замену ничем выдающимся пока себя не проявил, но заслуженное раздражение в рядах подчиненных уже зрело.

Не болтайся по квартире Маринка, Завадский выразился бы конкретнее и доходчивее.

– Не раскрыты потенциальные базы подготовки терактов! Не выявлены каналы возможной доставки взрывчатки и исполнителей! Где он слов таких набрался, грамотей? – Завадский глубоко вздохнул, как-то смяк и подытожил: – Привычно, как снег в Сибири.

– Поднимай. – Максимов взялся за стопку. – Вы не в Израиле живете, юноша. Громить базы террористов по капризу начальства умеет только МОССАД – и то, понятно, не по месту жительства сотрудников.

– Ладно, ну их в баню, этих замполитов. Будь здоров, Максимов... Шайку твою, извини, не пробил, некогда было, полеты разбирали. Завтра с утра – обязательно. Если новый форс-мажор не всплывет. Проверишь адреса, что нам дали, – тогда и поговорим конструктивно.

– Адреса уже проверяют. – Максимов посмотрел на часы. Доклада от сотрудников не поступало. В половине шестого звонил Лохматов – уверял, что работает в поте лица, не щадя ступней и подмышек, но голосок у него звучал как-то сонно.

– Полагаешь, позвонят? – Завадский прочно обосновался в кресле. Уж этот тип, окажись он по щучьему велению частным сыщиком, ни за что бы не позвонил.

– Обязательно позвонят. – Максимов подумал и добавил: – Хотя кто их знает.

– Хорошо, давай ждать. Накапай. Спасибо, девочка, рыбка у тебя просто нектар... Максимов, ты где таких дочерей разводишь? – Маринка смущенно зарделась. – Думай, Максимов,

что у нас есть? Мать у парня не бедна, отчим тоже. Но не миллионеры, даже в рублях, при похищении позвонили бы, самое позднее, на второй день, то есть шестнадцатого. Крупную сумму родичи из кармана не произведут, надо собирать, а ждать похитители не любят. Согласен?

Максимов кивнул. Версия похищения исключалась автоматически.

– Остается-то что? Подружка его. Звонили, спрашивали?

– До девчонки пока не добрались. Но вроде мать парня говорила с ней по телефону. Рассорились и разошлись в разные стороны. Завтра поговорю.

– Поговори, Максимов, поговори... – Капитан внезапно замолк.

Имеется в пьянстве что-то от мистики – сидишь вот так, читаешь по глазам мысли собеседника: «С кем-то пересекся паренек, слово за слово – а может, и молча прибили, и лежит теперь где-нибудь в подвале, отвале или по речке к Ледовитому океану плывет...»

А еще он почувствовал горячее желание рассказать капитану об утреннем инциденте – о человеке по имени Квасов с его не очень деликатным предложением. Беспокойство грызло Максимова. Та же самая обычная мистика. Убийство кандидата и пропажа парня, имеющего к политике ровно такое же отношение, какое имеет депутат к своим обещаниям. Абсолютно разные дела. Почему грызет его противное ощущение, будто есть в делах объединяющий фактор? Почему мерещится ружье, висящее на стене в начале пьесы?

Желание пооткровенничать он, к счастью (а может, на беду), преодолел, плеснул по стопкам и невольно залюбовался игрой напитка в богемском хрустале.

– Ладно, сыщик, давай за следующее за нами поколение. – Завадский покосился на стремительно взрослеющую Маринку. – Чтобы поменьше было приводов и всего такого... – выпил залпом и потянулся к пульту. – Давай-ка ящик включим – местные новости. Узнаем, что еще хорошего произошло.

Лучше бы не включал. Очередная сессия горсовета. В записи. Сверкая очками, не стесняясь кинокамер, пока еще действующий мэр орет на пришибленного начальника ГУВД:

– Вот, полюбуйте, целый полковник сидит, а толку! У вас под носом – десятки притонов! Наркотики продают, как хлеб и сметану! Да я бы на вашем месте завтра же вывел весь личный состав к мэрии: дайте нам законы!

Завадский многозначительно крикнул – законов и прав у полиции предостаточно. Уметь бы только ими пользоваться. Плюс желание. Поэтому вряд ли телезрители способны понять, зачем устраивать полицейский митинг у мэрии. Но предысторию знал весь город. Одновременно с президентскими, с заранее объявленным результатом, в области состоялись выборы губернатора. Против действующего боролся хозяин трех телеканалов, бизнесмен, магнат, олигарх и меценат. Что его сгубило – неправильная национальность или всенародная уверенность, что прежний уже худо-бедно решил свои материальные проблемы, а второй пока еще насытится – неизвестно, но телебизнесмен выборы во втором туре продул. Однако не успокоился. Десять дней назад один из его каналов устами телеведущей объявил, что начинает кампанию под лозунгом: «Сделаем наш город чистым!» Тут же был показан репортаж со двора обычной девятиэтажки на северо-западном жилмассиве. Из одного окна, не стесняясь, продают паленый спирт, из другого – героин, кому что нравится. Скрытая камера фиксирует диалог, в котором недвусмысленно фигурирует Вова-цыган – обладатель роскошного особняка в тамошнем частном секторе. Досталось и мэру, и губернатору, и районным властям, и полиции – ее достойные представители заглядывали во двор регулярно и уходили, как правило, довольные. Плюс подъезды в шприцах, ругающиеся женщины и грустные дети. Под занавес передачи – экскурсию обещали продолжить и не обманули. Следующий репортаж смотрелся как блокбастер.

– Вот же непруха! – воскликнул Завадский. – Не почуял! А пронесся ведь слухок, что на сессии горсовета будет разнос! Знал бы точно – прижал бы твоего Бурмина, понятых бы вызвал. Чувствовал же – проявляю несвойственный гуманизм!

– Не жалеешь, – ухмыльнулся Максимов. – Твое начальство, гуманный ты наш, только утром возбудится. Ну, закрыл бы ты парня – а к вечеру папа с мамой с адвокатом забрали да по шее тебе навешали. Ладно, не наркобарона упустил, надо будет – прижмешь.

Все предельно просто и понятно. Приоритеты меняются на глазах. Репортаж подавался в записи – обиженный полковник давно отзвонился подчиненным, раздал ЦУ, те с утра спустят лавину вниз. «Антитеррор» тихо свернут, возьмутся за наркоманов и притоны, заставив пару раз вздрогнуть хорошо прикрытых наркодельцов.

Подчиненные не звонили. Завадский перехватил инициативу, посмотрел на часы и самолично разлил остатки коньяка.

– Ладно, Константин, посмотрим, что нам день грядущий готовит... А может, обойдется, как ты думаешь? Поплачет мама, и вернется к ней сынок? Каких только казусов не случается! В Севастополе недавно трое студентов пропали. Родители с ног сбились, милиция в недоумении. А потом вернулись – сами, представляешь? Познакомились в кафе с тремя симпатичными курочками: поехали, говорят, к нам, мальчики, – живем в особняке на море, развлечемся. Приезжают – и впрямь особняк буржуям на зависть. Только загажен – по самую крышу. Словно эскадрон неделю бесился. Девчата тихо исчезают, ворота закрываются, образуются похмельные амбалы-телохранители: так и так, парни, вот вам три дня, в особняке должен быть наведен идеальный порядок. Что не так – бьем по почкам. Погуляли в отсутствие шефа. А шеф на днях прибыть должен. Опомнились амбалы, девчонок подключили, с которыми резвились, – не самим же в этом дерьме возиться. В общем, три дня и три ночи лохи проводили генеральную уборку – чистили, шкрябали. На дорожку им даже денег немножко выдали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.